

Ухтомский Эспер Эсперович

К событиям в Китае

**Об отношениях Запада и России к
Востоку**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
385

Э85 **Эспер Эсперович У.**
К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку / Ухтомский Эспер Эсперович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 95 с.

ISBN 978-5-519-78528-0

ISBN 978-5-519-78528-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

осложенія и острые фазисы новаго восточнаго вопроса само собой легко найдутся. (Намъ необходимо лишь держаться историческаго пути и ни на одно мгновеніе не терять изъ виду своихъ прямыхъ задачъ въ родной и близкой намъ по духу Азіи.

Іюль, 1900 г.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ БРОШЮРЫ:

- I. О сродствѣ Индіи и Россіи.
 - II. Параллель между европейскимъ и русскимъ движеніемъ на Востокъ.
 - III. Прелести англійскаго владычества на родинѣ Будды.
 - IV. О причинѣ неустойчивости западныхъ принциповъ на почвѣ консервативно-древняго Востока.
 - V. Ненормальность отношеній къ нему Европы.
 - VI. Историческая и политическая роль Франціи въ Индо-Китаѣ.
 - VII. Голландцы въ малайскомъ архипелагѣ и пан-исламизмъ.
 - VIII. Почему насъ понимаетъ Азія.
 - IX. Что олицетворяетъ собою Китайъ.
 - X, XI и XII. Принципы жизни Китая.
 - XIII. Захватъ нѣмцами Цзяо-чжоу.
 - XIV, XV и XVI. Философія исторіи русскаго сліянія съ Азіей.
-

I.

Думать, будто двѣ трети человѣчества, въ силу какого-то фатализма и прирожденной косности, чуть-ли не вѣчно остаются нѣмы и мертвы, чуть-ли не сказали своего послѣдняго слова на аренѣ міроваго развитія и міровыхъ событій, противорѣчило бы дѣйствительному положенію вещей: намъ — русскимъ особенно важно и любопытно выпкнуть въ несостоятельность подобнаго обобщенія западниковъ, ибо наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны (Индіи) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны въ матеріальномъ отношеніи, въ совершенно равной мѣрѣ заключаютъ въ себѣ залогъ обновленнаго будущаго и увѣренной борьбы за свои исконныя права.

Согласиться съ тривіальной европейской точкой зрѣнія на инородческіе міры, значитъ подписать жалкій приговоръ самимъ себѣ, какъ государству и какъ племени съ преобладающими надъ всѣмъ остальнымъ мистически окрашенными высокими идеалами. Тамъ, за Алтаемъ и за Памиромъ, та же неоглядная, неизслѣдованная, никакими еще мыслителями не сознанная допетровская Русь съ ея непочатой ширию преданія и неизсякающей любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью насылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствіямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ своемъ духовномъ обликѣ.

Сближеніе туземцевъ Индіи съ русскимъ простонародьемъ многими должно быть соотчено тенденціознымъ, почти невѣроятнымъ или же просто-напросто фантастическимъ. Случайное подтвержденіе того, что не мнѣ одному аналогія рѣзко бросалась въ глаза, я нашелъ, между прочимъ, въ старой трехтомной книгѣ епископа Хебера, которая издана, когда «о нашемъ наступательномъ воссоединеніи съ Азіей» англичане серьезно и не помышляли... Замѣтки названнаго автора относятся къ двадцатымъ годамъ, послѣ того какъ онъ посѣтилъ Россію и проѣхалъ ее отъ столицы до южныхъ границъ, оставаясь подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ церковей и палатъ

Кремля, подобіе коего иногда ему чудилось [потомъ] въ Индіи при видѣ иного колоссальнаго сооруженія.

Духомъ старой Москвы повѣяло на Хебера, лишь только онъ вступилъ на бенгальскую почву. Раджпутскіе и маратскіе вершники, сопровождавшіе его при официальныхъ передвиженіяхъ по гигантской епархіи, казались ему схожими съ кубанскимъ казачествомъ: видно, не даромъ въ Индостанѣ принято именовать «козаками» тамошнихъ смѣлыхъ конныхъ, а то даже пѣшихъ воиновъ (напр. джатовъ, во главѣ которыхъ до сихъ поръ выдѣляется бартпурскій махараджа у Агры, своевременно являвшійся тамъ въ 1890 г. съ визитомъ къ Августѣйшему Атаману казачьихъ войскъ), которые воспитаны поэзіей непрерывнаго боеваго напряженія и удалыхъ набѣдовъ...

Безъ сомнѣнія чѣмъ глубже стануть всматриваться въ индійскую исторію и въ индивидуальныя качества населяющихъ ея полуостровъ расъ, тѣмъ опредѣленнѣе могутъ сдѣлаться извѣстные тезисы объ этой странѣ, вызывающей въ насъ все болѣе и болѣе какъ-бы инстинктивный интересъ. Разъ что понятія «Россія» и «Востокъ», — подразумѣвая подъ послѣднимъ совокупность культурныхъ особенностей ислама, браманизма, буддійскихъ развѣтвленій, конфуціанства и т. п., — поставлены будутъ исторіософами въ одну органически цѣльную группу жизненно стойкихъ народовъ, — ихъ одинаково рѣзкое отличіе отъ западныхъ націй съ ихъ минувшимъ и настоящимъ ясною истиной мало-по-малу выяснится всякому безпристрастному наблюдателю.

Хотя на первый взглядъ очень трудно уловить между Россіей и Индіей что-нибудь общее въ историческомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ проводить между столь далекими и повидимому столь не однородными странами основанную лишь на нѣкоторыхъ крайне любопытныхъ фактахъ параллель, — тѣмъ не менѣе намѣтитъ ее, рано или поздно, кому-нибудь все равно надо: поэтому именно русскому особенно интересно привести подобныя мысли въ извѣстную связь.

Занятый англичанами на югѣ Азіи обширнѣйшій край въ сущности представляетъ собою самую смѣшанную, пеструю амальгаму народностей, вѣрованій и культуръ, — онъ все-таки, въ своихъ главнѣйшихъ основахъ, строго отмѣченъ отпечаткомъ арійскаго духа. Этотъ духъ очень давнихъ и гордели-

выхъ пришельцевъ, постепенно колонизировавшихъ страну, передавался и передался въ теченіе вѣковъ отдаленнѣйшимъ областямъ и даже утолкамъ Индіи. Этотъ духъ нескороенимо жилъ и живетъ въ сердцахъ большинства ея обитателей. Сами англичане указываютъ, какъ на несомнѣнную и характерную истину, что они отвоевали и отняли ее не у мусульманскихъ правителей, а у языческихъ князей, такъ какъ въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ индуизмъ (въ лицѣ маратовъ, а затѣмъ отчасти и сикховъ) безспорно занялъ первенствующее мѣсто на своей великой родинѣ. Подобная живучесть свидѣлствуетъ о глубинѣ національнаго сознанія (въ широкомъ смыслѣ слова) даже среди народовъ, разобщенныхъ и какъ бы ненавидящихъ другъ друга. Кака-то незримая сила постоянно составляла и упорно составляетъ подпочву всего, на чемъ зиждется, вырастаетъ, развивается и, даже погибая, принимаетъ тождественный по идеѣ, хотя и преобразованный видъ крайне сложная психическая жизнь 200—300 милліоновъ туземцевъ.

Борющіеся съ автохтонами Пятирѣчья и Деккана, мощные арийцы Ведъ и позднѣйшаго индійскаго эпоса—тѣ же славяне, осѣдающіе по лѣсамъ и у рѣкъ доисторической Россіи, гдѣ уже издревле разсѣяно множество инородческихъ элементовъ, напоминающихъ чернокожую своеобразно цивилизованную «чудь», которую кшатріи принимались истреблять, а брамины и пахари силились обратить, углубляясь въ глушь неизвѣданнаго полуострова... Какъ только этотъ двоякій (внѣшній и внутренній) процессъ тамъ совершился до извѣстнаго предѣла (и у насъ встарь князья съ дружиною при малѣйшей нуждѣ охотно искореняли «нечистыхъ» инородцевъ, пока шедшій въ дебри крестьянинъ и пламенѣвшій ревностью миссіонеръ подготавливали грядущее сближеніе и сліяніе), на Индію сталъ наступать грозный и трудно примиримый степной Туранъ, единовременно двигавшій свои варварски-хищныя орды на удѣльную Русь. И тамъ, и тутъ результатъ подобнаго вторженія и вліянія грубыхъ началъ на основы государственнаго строя и народнаго быта привелъ къ невольному самоуглубленію и неисчерпаемый по составу браминскій міръ, и наше отягченное «ношей крестной», многострадательное великорусское племя. Затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ, началась реакція,—едва замѣтная на глазъ, но чрезвычайно послѣдовательная и знаменательная по своему творческому на-

пряженію. Въ эпоху, когда Индостанъ и Московское царство, поверхностно судя, сильно поддались басурманскимъ обычаямъ, слегка потеряли аріійскій обликъ, отчасти приняли совершенно туранскую окраску (что, между прочимъ, выразилось хотя-бы напр. въ томъ, какъ сложилась высшая придворная жизнь въ Бѣлокаменной и въ послѣднемъ Дѣли, вознесшемся къ славѣ при помощи раджпутскаго меча и даровитости подданныхъ—индусовъ),—характеръ обоихъ дворовъ, ихъ отношенія къ иноземцамъ, полуварварская роскошь и до щепетильности доведенный этикетъ—все дышетъ далеко не случайнымъ сродствомъ и олицетворяетъ глубокій Востокъ, въ которомъ больше ассириававилонскаго и скиѣскаго, чѣмъ славянскаго или вообще европейскаго. И вдругъ нѣдра Россіи, а за Гималаями Декканъ (преимущественно же конканское побережье) приблизительно въ тотъ же періодъ просыпаются съ расширеннымъ сознаньемъ!

Средняя Азія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ тревожившая и насъ, и Пятирѣчье немолчнымъ прибоемъ безпокойныхъ степей, мало-по-малу почувствовала незыблемую стѣну передъ собой,—живую стѣну сплотившихся бойцовъ—арійцевъ (по языку и культурѣ), рѣшившихъ отбросить и умалить ненавистный Туранъ. Подобно русской вольницѣ и отважной голытьбѣ, двигавшейся противъ него въ качествѣ передовыхъ застрѣльщиковъ, свободолюбивые сикхи страшными ударами потрясли исламъ, съ юга же отъ Дѣли (словно изъ нашихъ центральныхъ губерній) стали неотразимѣе и неотразимѣе наступать когда-то мирные и добродушно настроенные мараты, безсознательно выросшіе до степени героевъ и носителей національнаго, довольно еще туманнаго идеала. Отъ престижа Моголовъ, отъ преобладанія тюркской расы вскорѣ сохранилась одна (и то расплывающаяся!) тѣнь. Индуизмъ торжествовалъ, смѣло могъ праздновать побѣду, обѣщалъ обратить родные ему края въ нѣсколько федеративныхъ государствъ древне-языческаго типа, со здоровой въ корнѣ основой. Если бы это дѣйствительно случилось, то въ предѣлахъ страны, имѣющей религіознымъ центромъ Бенаресъ, въ непродолжительномъ времени, быть можетъ, начала бы вырабатываться непринужденная и самостоятельная потребность къ образованію, просвѣщенію, гуманизму и т. п. (что въ виду свойственной народамъ Востока быстротѣ воспріимчивости, отъ разумнаго соприкосновенія

съ свропейской цивилизаціей, легко дало бы тѣ же плоды, какъ и у насъ при зарожденіи наукъ и искусствъ съ XVIII на XIX столѣтіе). Но судьба судила иное. Юная, возростающая изъ праха, независимая по духу и вѣрная ископнымъ традиціямъ Индія испытала новое паденіе вслѣдствіе прихода и воцаренія въ ней горсти пришельцевъ—эксплоататоровъ съ Запада. Всѣ тѣ бѣды, которыя могли насъ ожидать, если бы Россія полтора ста лѣтъ назадъ, шагнувъ на пути прогресса, не высвободилась бы рѣшительно и безповоротно изъ-подъ непрошенной опеки заграничныхъ авантюристовъ, привыкшихъ зачастую смотрѣть на наше отечество точно на тучную ниву, съ которой имъ дозволено жать, ничего не сѣючи и не вспахавъ,—всѣ эти бѣды, повторяю, какъ-бы незамѣтно обрушились на несчастную родину буддизма. Летаргическій сонъ оковалъ ее на нѣсколько поколѣній. Пока тождественный съ ней по историческому складу сѣверный колоссъ развернулся и все еще съ каждымъ днемъ развертывается, открывая накопленное за 1000 лѣтъ психическое наслѣдіе борьбы и взаимоотношеній съ финно-монголо-татарскими наслоеніями, — Индія нѣмѣетъ подъ гнетомъ своихъ беспочвенныхъ университетовъ и прочихъ дорого стоящихъ, но энергично прививаемыхъ благъ... За то сколько пропіи таятся въ словахъ: «туземные конгрессы», «туземная необуздываемая печать», наконецъ «туземныя права быть гражданами великой колоніальной имперіи»!...

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о степени и причинахъ нашего внутренняго сродства съ Индіей, нельзя однако не отмѣтить нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей въ духовно-исторической жизни обѣихъ странъ. Эти особенности такъ странны, такъ рѣзко поражаютъ, если надъ ними призадуматься, такъ въ своемъ родѣ замѣчательны и достойны внимательнаго разслѣдованія, что не далека часъ, когда о нихъ серьезнѣе и безъ предубѣжденія заговорять. Вотъ тѣ случайные, въ сущности общезвѣстные факты, о которыхъ стоитъ сказать два-три слова. Почему въ XIII—XIV вѣкахъ языческая Литва, оборонявшаяся противъ суровыхъ крестоносцевъ, удивительно напоминаетъ и какъ-бы повторяетъ собою (по обычаямъ и величію характера борцовъ) рыцарски настроенную, грозную мусульманамъ Раджпутану? Князь Маргеръ, изнемогшій при осадѣ роднаго городка и спокойно рѣшившійся, вмѣсто сдачи врагу,

принести въ жертву пламени женщинъ, дѣтей, сокровища, кумировъ своей крѣпости, — чтобы потомъ, соорудивъ изъ всего дорогаго и завѣтнаго страшный погребальный костеръ, бѣшено ринуться на послѣдній бой съ «нѣмцами», — развѣ этотъ Маргеръ и его окружающіе чѣмъ-нибудь отличаются отъ индѣйскихъ махараджей средневѣковаго типа, которые, удушивъ въ дыму слабый полъ и облекшись въ одежды шафрановаго цвѣта, бросались на вѣрную смерть въ мусульманскій станъ съ высоты поколебленныхъ Тураномъ древне-арійскихъ кремлей?!.. Но вѣдь литовцы того періода въ сущности — олицетвореніе нашей же тождественной съ загималайскими землями Руси!

А какими, спрашивается, путями надо истолковывать непостижимое, именно индуизму свойственное предубѣжденіе нашихъ раскольничьихъ общинъ, осквернять себя вкушеніемъ пищи совмѣстно съ иновѣрцами, хотя бы разногласіе въ религіозномъ отношеніи было даже крайне ничтожно и поверхностно, коренясь преимущественно въ унаслѣдованной косности мыслей? Затѣмъ: неужели въ изувѣрствѣ нашихъ иныхъ сектантовъ XVII-го столѣтія, въ ихъ жаждѣ саморазрушенія, самосожженія не видѣть чисто индѣйскихъ чертъ? Почти неизслѣдованные и загадочные «душителі» (тюкальщики), среди русскихъ отщепенцевъ отъ православія, развѣ только по звуку представляютъ аналогію съ «тюгами», избравшими преступный родъ дѣятельности исключительно въ угоду религіи?

Высказывать по этому поводу что-либо опредѣленное пока чрезвычайно трудно. Всякая смѣлая гипотеза въ столь богатой неожиданными сближеніями области фактовъ отчасти преждевременна, отчасти безпочвенна. Можно чутѣмъ быть непосредственно у истины, не имѣя еще достаточныхъ данныхъ, чтобы ее формулировать. Одно, впрочемъ, кажется вполне яснымъ и неоспоримымъ: мы непомѣрно много должны были безсознательно впитать въ себя изъ Индіи въ тяжелую эпоху колонизаціи своихъ заволажскихъ окраинъ, когда русскіе полоненники ежегодно тысячами увлекались на басурманскую чужбину, продавались съ базаровъ Хивы и Самарканда пышнымъ вельможамъ Моголовъ, подолгу владели рабское существованіе между язычниковъ, которые этимъ невольникамъ естественно представлялись симпатичнѣе и ближе обоюдныхъ господъ-мусульманъ, —

незамѣтно возвращались иногда на родину съ претворенными взглядами на духовный міръ, съ иноземными предразсудками первобытно-жизненного свойства, со складомъ религіозныхъ умозрѣній, способнымъ нравиться нашему патріархально мыслящему простонародью... Вотъ откуда, вѣроятно, происходилъ упорный токъ странныхъ воззрѣній, исключительныхъ чувствъ, мистическихъ порывовъ,—пожалуй, и самозарожденных въ глубинѣ русскаго сравнительно новѣйшаго сознанія, но едва-ли не подъ прямымъ вліяніемъ браминской Индіи. Не потому-ли теперь (да въ смутномъ видѣ и гораздо раньше) у насъ постепенно крѣпнеть стремленіе тѣснѣе соприкоснуться съ ней, больше узнать о ней, основательнѣе убѣдиться въ какомъ-то коренномъ сродствѣ (усилившемся благодаря хищному степному Турану) нашего пестраго по составу населенія съ еще значительно сложнѣйшими племенными элементами той Азіи, гдѣ таинственно пошелъ въ толпу посыпанный пепломъ нищій Шива и гдѣ выросъ историческій Будда?

Путешественники по Индіи, знавшіе нашъ Петербургъ, пытались сравнивать его по внѣшности съ Калькуттой. Даже судьба обѣихъ столицъ отчасти сходна. Основанныя приблизительно въ одно время и въ разгаръ борьбы великихъ народовъ за преобладаніе въ мірѣ, онѣ параллельно возникли на болотной міазмической почвѣ, около устья двухъ исторически важныхъ рѣкъ, въ одинаковые періоды развивались, являясь очагами бодрой мысли и стремленія впередъ въ національномъ смыслѣ слова, наравнѣ съ однимъ только Пекиномъ дѣляютъ Азію на характерные станы, гдѣ Востоку приходится мало-помалу высказываться подъ непосредственно-сильнымъ вліяніемъ Запада и вставать на защиту своихъ исконныхъ правъ. Вмѣщая тысячи представителей образованной въ англійскомъ духѣ брамино-магометанской страны, Калькутта столь же типично олицетворяетъ въ извѣстномъ отношеніи весь еще дремлющій (до XX вѣка) полуостровъ, какъ «градъ царя Петра», наполненный учащими у Европы, все сознательнѣе и разумнѣе опредѣляетъ собою славяно-инородческій восточный міръ, выступающій рѣзкой, но еще весьма хаотической противоположностью государствамъ западнаго тина (съ иной организаціею, съ иной культурою). Насколько они отличаются ясно выразившимся прошедшимъ, настолько Русь и органически съ